XVII в., в частности у Авраамия Палицына и в «Ином сказании». Автор считает, что первых стихотворцев дал нам Троице-Сергиев монастырь. Дополнением к этой работе является статья В. П. Адриановой, напечатанная в тех же «Известиях».[63] Автор указывает, что стремление к рифмованной речи можно наблюдать уже в повести о царе Федоре Иоанновиче патриарха Иова и поэтому нет необходимости связывать возникновение вирш с Троице-Сергиевым монастырем.

О формальных особенностях говорит и статья А. С. Орлова «Повесть Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна».[64] Автор ставит перед собой задачу показать зависимость стиля «Повести», приписываемой Катыреву, от «Троянской истории». Статья состоит из ряда сопоставлений текста указанных памятников, которые подтверждают эту зависимость, и совершенно не касается композиции и идейного содержания «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому. Той же «Повести» посвящена «Заметка о повести князя Катырева-Ростовского» Н. К. Гудзия, выясняющая литературные связи «Повести» и источники ее поэтики.[65] В работах советских ученых-литературоведов мы видим попытки по-новому подойти к анализу памятников «Смутного» времени: они стремятся выяснить классовое лицо писателей, определить социально-политический резонанс самих произведений, их место и значение в свою эпоху и их литературные особенности.

Повести о «Смуте» включаются в учебники, печатаются в отрывках в хрестоматиях. Так, ряд отрывков из «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому, напечатан был во второй части «Историко-литературной хрестоматии» Н. Л. Бродского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова[66] и в хрестоматии Н. К. Гудзия.

Из учебников наиболее известной является книга проф. Н. К. Гудзия, выдержавшая несколько изданий.[67] От издания к изданию повестям о «Смуте» в учебнике уделяется все больше внимания, однако и в последнем издании освещение этого вопроса нельзя считать достаточным. Автор начинает свой обзор повестей о «Смуте» коротким очерком исторических событий эпохи, а затем кратко разбирает «Новую повесть о преславном Росийском царстве», «Повесть 1606 г.», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Сказание» Авраамия Палицына, «Летописную книгу», приписываемую Катыреву-Ростовскому, «Повести о Скопине-Шуйском» и «Послание дворянина к дворянину».

Автор не касается ряда ценных в литературном отношении памятников, таких, как «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание о Самозванце» или «Сказание о царстве царя Федора Иоанновича». Кроме того, что важнее, и разобранными памятниками автор учебника интересуется почти исключительно в связи с вопросом традиции и новации, недостаточно касаясь идейного содержания памятников и не вскрывая в каждом отдельном случае их связи с общественными настроениями начала XVII в.

Несомненным достоинством последнего издания «Хрестоматии» Н. К. Гудзия (1952 г.) является включение в число представленных в ней памятников начала XVII в. «Повести о видении некоему мужу духовну» и отрывков из «Сказания» Авраамия Палицына.

---

[63] ИОРЯС за 1921 г., т. XXVI. Пгр., 1923, стр. 271—276.

[64] Сборник статей в честь М. К. Любавского, стр. 73—98.

[65] Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 306—309.

[66] *Историко-литературная хрестоматия, часть 2. Составлена Н. Л Бродским, Н. М. Мендельсоном и Н. П. Сидоровым.* М.—Пгр., 1923.

[67] Н. К. Гудзий. 1) История древнерусской литературы. Изд. 6-е, М., Учпедгиз, 1956; 2) Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII веков. Изд. 5, исправленное и дополненное, М., Учпедгиз, 1952.